

МАКСИМ ЗОРИН

СУДЬБА, КОТОРУЮ НЕ ВЫБИРАЮТ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОВЕСТЬ
О БОЛИ, СТОЙКОСТИ, СВОБОДЕ И ЛЮБВИ

18+

18+

Максим Зорин

Судьба которую не выбирают

«Автор»

2026

Зорин М.

Судьба которую не выбирают / М. Зорин — «Автор», 2026

«Судьба, которую не выбирают» — Максим Зорин. Она родилась свободной, но с детства узнала, что такое жестокость, страх и чужая воля. Среди цыганских таборов, суровых лесов и военного лихолетья начинается история семьи, которой предстоит пережить немало испытаний. Светлана росла без детских радостей. Вместо школы — тяжёлый труд, вместо ласки — суровые наказания. Она мечтала о свободе, но судьба вновь и вновь заставляла её бороться за право жить собственной жизнью. Нелюбимый брак, унижения, предательство и отчаянные побегі могли сломить её. Но даже в самые тёмные времена Светлана не переставала верить, что однажды встретит настоящую любовь. Сможет ли женщина, привыкшая спасаться бегством, обрести дом, из которого больше никогда не захочется уходить? «Судьба, которую не выбирают» — историческая семейная повесть о боли, стойкости, свободе и любви, способной изменить человеческую жизнь. Основано на семейных воспоминаниях. Отдельные сцены и диалоги художественно восстановлены.

© Зорин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
Козёл с человеческим смехом	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	12
Последнее лето табора	12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	20
Брянщина. 1943 год.	20
Поезд	21
Лес	22
После войны	23
Снова среди своих	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Максим Зорин

Судьба которую не выбирают

Глава

Максим Зорин

СУДЬБА, КОТОРУЮ НЕ ВЫБИРАЮТ

Историческая повесть · 18+

Посвящается моему любимому сыночку Максиму

Основано на семейных воспоминаниях. Отдельные сцены и диалоги художественно восстановлены.

© Ольга Зорина, 2025. Все права защищены.

Максим Зорин — литературный псевдоним Ольги Зориной.

Работа над литературной версией: 2023–2025 годы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Козёл с человеческим смехом

В военные годы табор остановился на лесной поляне неподалёку от большой деревни. Кибитки расположили полукругом; у опушки паслись лошади, женщины хлопотали у костров, а дети носились между телегами.

Жили небогато. Иногда удавалось выменять что-нибудь на продукты или подработать у крестьян, а порой несколько дней подряд довольствовались тем, что оставалось в котлах.

Однажды барон собрал нескольких мужчин.

— Слышал я, в соседней деревне богач живёт. Скотины у него столько, что не пересчитать. Коровы, овцы, козы. Поедем, может, продаст нам козла.

— А деньги? — спросил Васька, молодой цыган с хитрыми глазами.

— Деньги найдём, — отмахнулся барон. — Ты сначала козла найди.

Мужчины запрягли лошадей и отправились в деревню.

Хозяин оказался зажиточным. За домом тянулся просторный скотный двор: под навесом стояли коровы, за оградой теснились овцы, возле сарая бродили козы.

Барон подошёл к хозяину.

— Здорово, хозяин! Продай козла.

Тот оглядел незваных гостей.

— Не продам.

— Да ты цену назови!

— Сказал же, не могу сейчас.

— У тебя вон сколько скотины! Одним больше, одним меньше — не заметишь.

— Не продам, — упрямо повторил хозяин. — Идите своей дорогой.

Барон нахмурился.

— Ну, как знаешь.

Цыгане развернулись и пошли к лошадям.

Едва отъехали от деревни, Васька наклонился к остальным:

— А чего мы его уговариваем? Ночью вернёмся и украдём.

— Авэн, ромалэ, ратя джяса! — подхватил другой. — Пойдём, цыгане, ночью отправимся!

Мужчины переглянулись: мысль пришла им по душе.

Барон некоторое время молчал, потом усмехнулся:

— Ладно. Как стемнеет, поедем.

Никто тогда не представлял, чем обернётся эта затея.

◆◆◆

Ночь опустилась на лес быстро.

Луна то выглядывала из-за облаков, то скрывалась. Деревья вдоль дороги стояли неподвижно, будто прислушивались.

Из табора выехали несколько мужчин. Говорили вполголоса, стараясь не шуметь.

— Только смотрите, собак не разбудите, — предупредил барон.

— Да чего ты боишься? — хмыкнул Васька. — Мы козла красть едем, не царскую казну.

— Помолчи лучше.

Проехали лес, свернули на просёлочную дорогу.

Вдруг впереди, прямо перед лошадьми, что-то зашевелилось.

— Стой!

Лошади остановились.

Из темноты навстречу телеге вышел большой чёрный козёл с длинными рогами.

Он ступал спокойно, словно заранее знал, куда идёт.

Мужчины переглянулись.

— Гляди-ка!

— Козёл!

— Да ещё какой!

Васька первым прыгнул с телеги.

— Вот это удача! Мы его воровать собрались, а он сам к нам идёт!

Все захохотали.

— Бахт амэнгэ! — воскликнул один из мужчин. — Повезло нам!

Козёл остановился.

Козёл остановился и посмотрел на людей.

Он не сдвинулся с места, даже когда Васька подошёл с верёвкой.

— Ишь какой смирный, — удивился тот. — Будто сам просится.

— Хватай, пока не убежал!

Верёвку накинули козлу на шею. Он не сопротивлялся.

Мужчины повели его к телеге.

— Вот хозяин утром удивится! — засмеялся Васька.

— А мы ему скажем, что козёл сам к нам пришёл!

Снова раздался смех.

Один барон не смеялся.

Он то и дело оглядывался на чёрного козла.

— Станный он какой-то.

— Да брось ты! Козёл как козёл.

И они отправились обратно в табор.

◆◆◆

Когда мужчины вернулись, на поляне уже горели костры.

Женщины сидели возле кибиток. Детям давно пора было спать, но, услышав голоса, они стали выглядывать из-под одеял.

— Привезли! — крикнул Васька. — Эй, ромалэ! Козла привезли!

— Купили? — спросила одна из женщин.

— А зачем покупать, когда он сам пришёл?

Мужчины загоготали.

Козла привязали к толстому дереву неподалёку от большого костра.

Козёл стоял неподвижно.

Чёрная шерсть блестела в свете огня. Длинная борода свисала с подбородка, а глаза отражали пляшущие языки пламени.

Анастасия вышла из кибитки.

Семнадцатилетняя девушка услышала шум и вышла посмотреть, что привезли мужчины.

— Откуда козёл?

— Из деревни, — ответили ей.

— А отчего он чёрный?

— А тебе белого подавай? — засмеялся Васька.

Анастасия подошла поближе.

Козёл повернул к ней голову.

Девушка невольно остановилась.

Взгляд животного показался ей неприятным — не злым, а слишком внимательным, будто козёл понимал каждое человеческое слово.

— Не нравится он мне, — тихо сказала она.

— Да чего ты боишься? Завтра в котле окажется!

У костра уже сидели Фёдор и Васька.

Фёдор достал длинный нож и провёл лезвием по точильному камню.

Ш-ш-ш...

Васька устроился рядом и принялся точить второй нож.

— Ну что, Федя, завтра мясо есть будем!

— Ещё как!

— Женщины, котлы готовьте!

Со всех сторон начали подходить люди.

Люди подходили со всех сторон. Одни шутили, другие спорили, кому достанется лучший кусок. Дети вертелись возле взрослых и украдкой поглядывали на козла.

Костёр разгорелся сильнее.

И вдруг козёл поднял голову, открыл пасть — и засмеялся.

Не заблеял и не фыркнул. Именно засмеялся — громко, раскатисто, по-человечески.

— Ха... ха... ха-ха-ха!

Фёдор перестал точить нож.

Васька замер с камнем в руке.

На поляне стало тихо.

— Это кто? — спросил кто-то.

— Кто смеётся?

Козёл опять открыл пасть.

— ХА-ХА-ХА-ХА!

Смех разнёсся по всему табору.

Смех был настолько похож на человеческий, что у Анастасии похолодели руки.

Васька медленно поднялся.

— Федя...

— Чего?

— Ты слышал?

— Слышал.

— Это... козёл?

Фёдор ничего не ответил.

Козёл повернулся к мужчинам и снова захохотал — ещё громче.

— ХА-ХА-ХА!

Кто-то из женщин вскрикнул.

— Господи, помилуй!

— Дэвла, поможин! — Господи, помоги!

Одна старуха перекрестилась.

Потом другая.

В одно мгновение табор охватила паника.

— Нечистый!

— Бес!

— Отойдите от него!

— Детей забирайте!

Васька бросил нож.

Фёдор вскочил так резко, что опрокинул точильный камень.

Одни бросились к кибиткам, другие укрылись за телегами. Женщины хватали детей, прижимали их к груди, крестились и шептали молитвы.

Анастасия стояла как вкопанная.

Она увидела, как чёрный козёл дёрнул головой. Верёвка натянулась.
Ещё рывок.

Узел соскользнул.

Козёл освободился.

Но на людей он не бросился и никого не стал преследовать.

Постоял у дерева, окинул взглядом испуганный табор и ещё раз издал свой жуткий хохот.

— ХА-ХА-ХА!

После чего спокойно повернулся и пошёл в сторону леса.

Никто не попытался его остановить.

Мужчины, которые несколько часов назад собирались украсть чужого козла, теперь боялись выйти из-за телег.

Чёрная фигура исчезла между деревьями.

Анастасии казалось, что смех ещё долго звучал над поляной.

◆◆◆

Первым из укрытия выбрался Васька.

Он огляделся.

— Ушёл?

Никто не ответил.

— Федя! Ты где?

— Здесь...

Фёдор осторожно выглянул из-за телеги.

Васька посмотрел на брошенные ножи.

— Ну его к чёрту, такого козла.

— Тише ты! — зашипела женщина. — Не поминай нечистого!

Барон сидел у костра.

Лицо у него было мрачное.

— Всё, — произнёс он. — Больше за чужой скотиной не ходим.

И никто не стал спорить.

◆◆◆

В таборе жила одна необычная старуха.

Её звали Агафией, хотя чаще в таборе говорили: Беззубая Агафия.

Маленькая, сухонькая, с согнутой спиной, она почти лишилась зубов. Лицо избороздили глубокие морщины, но глаза по-прежнему смотрели остро и внимательно.

За знание старых заговоров Агафию прозвали ведьмой.

Одни её побаивались, другие уважали. К старухе приходили за советом, просили уберечь детей от дурного глаза или помочь больному.

Говорили, что заговоры передавались в её семье из поколения в поколение.

Особенно верили в то, что Агафия умеет отводить от табора волков.

На новой стоянке она обходила кибитки, что-то шептала, склонялась к земле и произносила слова, которых никто не мог разобрать.

Люди говорили: заговаривает землю.

И если волки не трогали лошадей, это приписывали её стараниям.

Было ли в том что-нибудь сверх обычного совпадения, никто не знал.

Но верили — и потому относились к Агафии с особым почтением.

В ту ночь она не вышла на шум.

Утром, когда мужчины сидели у погасшего костра и обсуждали ночное происшествие, старуха показалась между кибитками.

Шла медленно, опираясь на палку.

— Чего это вы ночью орали? — спросила она.

Васька почесал затылок.
— Козла привезли.
Агафия остановилась.
— Какого козла?
— Чёрного.
Старуха прищурилась.
— Большого?
— Большого.
— С рогами?
— С рогами.
— А зубы?
Мужчины переглянулись.
— Какие зубы?
Агафия вдруг выпрямилась.
— Человеческие зубы у него были?
Наступила тишина.
Фёдор медленно повернулся к Ваське.
— Я... я видел, когда он смеялся.
— И я видел, — прошептал кто-то.
Агафия ударила палкой о землю.
— Ах вы, дурные головы!
— Что такое, бабка?
— Где вы его взяли?
Барон рассказал, как они собирались украсть козла у богатого хозяина, а по дороге встретили чёрного, который сам вышел им навстречу.
Агафия слушала молча.
Потом покачала головой.
— Не надо было его трогать.
— Почему?
— Потому что козлы человеческими зубами не смеются.
Мужчины невольно поёжились.
— А кто же это был? — спросила Анастасия.
Старуха посмотрела на девушку.
— Не всё, что ходит по земле, бывает тем, чем кажется.
— Так это нечистый был?
Агафия не ответила сразу.
Посмотрела на лес, туда, куда ночью ушёл козёл.
— Кто его знает... Но хорошо, что ушёл сам.
Она повернулась к барону.
— Сегодня табор обходить буду. И чтоб до вечера никто за лес не ходил.
— А чего бояться-то? — попытался усмехнуться Васька.
Агафия посмотрела на него своими острыми глазами.
— А ночью чего боялся? Козла?
Мужчины засмеялись: после ночного страха поддеть Ваську было особенно приятно.
Даже барон не удержался.
— Вот тебе и Васька! Чужого козла украсть не побоялся, а как козёл засмеялся — первым под телегу залез!
— Я не под телегу! — возмутился Васька. — Я за телегой стоял!
— А нож зачем бросил?

— Руки заняты были!

— Чем?!

Васька не нашёлся что ответить.

И табор снова расхохотался.

◆◆◆

К вечеру Агафия обошла всю стоянку.

Старуха медленно шла вдоль деревьев, останавливалась, склонялась к земле и шептала свои слова.

Анастасия наблюдала за ней издалека.

Когда Агафия закончила, девушка подошла.

— Бабушка Агафия...

— Чего тебе, чхайори?

— А правда, что ты можешь волков отогнать?

Старуха посмотрела на неё.

— Волк, девочка, не всегда самый страшный зверь в лесу.

— А кто страшнее?

Агафия помолчала.

— Человек бывает страшнее.

Анастасия не сразу нашлась с ответом. Ей вспомнились и испуганные лица у костра, и ножи, приготовленные для чужого козла.

— А тот козёл... Он ещё вернётся?

Старуха подняла глаза на темнеющий лес.

— Не зови его, девочка. Ушёл — и слава Богу.

Она перекрестилась.

— Дэвла, рах амэн... Господи, сохрани нас.

Агафия поправила платок и медленно направилась к своей кибитке.

Анастасия осталась у костра. Лес затих; лишь ветер шевелил верхушки деревьев да изредка трещали ветки.

Возле огня снова раздался смех. Это Васька рассказывал, как Фёдор бросил нож и спрятался за телегой.

— А сам-то где был? — возмутился Фёдор.

— Я козла караулил!

— Из-за телеги?!

Цыгане дружно расхохотались.

Анастасия не присоединилась к веселью.

Она смотрела на дерево, к которому ночью привязали чёрного козла.

У корней всё ещё лежала верёвка.

Ей всё ещё слышался тот пугающий, совсем человеческий хохот. Но сильнее запомнились слова Агафии: «Человек бывает страшнее».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Последнее лето табора

Брянщина. 1943 год.

Шёл третий год войны. В глубине брянских лесов ещё теплилась жизнь.

На большой поляне среди вековых сосен расположился цыганский табор: десять семей, почти полсотни человек — старики, мужчины, женщины, дети. Здесь привыкли делить последний кусок хлеба, ссориться до хрипоты, мириться у общего костра и петь так, будто за лесом не шла война.

Вокруг стояли старые кибитки с деревянными колёсами, крытые потемневшим брезентом. Рядом паслись лошади. К деревьям были привязаны телеги, нагруженные узлами, одеялами, медными котлами и нехитрым скарбом.

В воздухе смешивались запахи дыма, сырой земли, лошадей и варёной картошки.

По утрам табор будили детский плач, женские голоса и ржание лошадей.

— Марфа! Чтоб тебя черти унесли! Ты опять мою кастрюлю забрала?!

— А ты на свою посмотри, старая ведьма! У тебя дно дырявое!

— Это у тебя голова дырявая!

Мужчины смеялись, сидя у костра.

Даже в голодные военные годы женщины старались одеваться нарядно: длинные цветастые юбки, яркие платки, крупные серьги. Волосы заплетали в толстые косы, а девушки порой распускали их по плечам.

Среди них особенно выделялась семнадцатилетняя Анастасия.

Стройная, с густыми чёрными волосами и большими тёмными глазами, Анастасия была тихой и робкой. Она редко повышала голос, сторонилась ссор и даже на обиду чаще отвечала смущённой улыбкой. С детства привыкшая слушаться старших, она старалась никого не огорчать.

Анастасия жила с родителями, двумя братьями и младшей сестрой.

Неподалёку стояла кибитка её тётки. Там жила Полина — двоюродная сестра Анастасии. Девушки были близки, хотя по характеру совершенно не походили друг на друга.

Полина была её полной противоположностью: бойкая, своевольная, готовая спорить там, где Анастасия предпочитала промолчать.

— Настя, пойдём с женщинами в деревню, — предложила однажды Полина. — Нечего целый день у кибитки сидеть.

— А вдруг там немцы? — тихо спросила Анастасия.

— Будем осторожны. Я рядом.

Настя поправила красный платок и нерешительно посмотрела на мать.

— Мама велела сначала воды принести. Я обещала.

— Ох, Настя! — Полина всплеснула руками. — Ты всем обещаешь и никому отказать не можешь!

— Я быстро, — виновато улыбнулась Анастасия.

Полина фыркнула, но подождала сестру: при всей своей горячности бросать Настю одну она не собиралась.

◆◆◆

В деревни женщины ходили небольшими группами.

Одни пытались выменять старое кольцо на картошку, другие гадали деревенским женщинам. Были и те, кто воровал.

Голод толкал людей на поступки, на которые в мирное время они, возможно, не решились бы.

Иногда женщины уносили из деревни кур.

Одна отвлекала хозяйку разговорами, другая пробиралась во двор.

— Миленькая, дай водички попить, — жалобно просила старая Марфа.

Пока хозяйка шла за кружкой, молодая цыганка хватала курицу, ловко прятала под широкой юбкой и спешила прочь.

Иногда птица начинала кудахтать прямо под одеждой.

— Что это у тебя там?! — кричала хозяйка.

— Живот болит, тётенька! Ох, помираю!

А потом женщины бежали к лесу, давясь от смеха.

Но случалось и другое.

За украденную курицу могли избить палкой. За мешок картошки — сдать немцам.

И всё-таки женщины снова шли в деревни.

В таборе их ждали голодные дети.

Вечером добычу делили. Старикам и малышам старались оставить самое лучшее.

На кострах кипели котлы. В них бросали всё, что удалось раздобыть: картошку, капусту, крупу, иногда мясо.

Анастасия любила сидеть рядом с матерью и смотреть, как та готовит.

— Мам, а после войны мы куда поедём?

— Куда дорога приведёт.

— А я хочу большой дом.

Мать улыбнулась.

— Дом? Ты же цыганка, Настя.

— Ну и что? Хочу дом с окнами. И чтобы кровать настоящая была. И печка.

— А лошадей куда денешь?

— Во двор поставлю!

Обе рассмеялись.

Тогда Анастасия ещё не знала, как скоро будет готова отдать всё, лишь бы снова услышать материнский смех.

◆◆◆

К вечеру табор словно оживал заново.

Когда темнело, мужчины разжигали большой костёр. Пламя взлетало высоко, освещая лица и красные юбки женщин.

Кто-то доставал скрипку. Кто-то брал гитару.

Первыми затягивали песню старики, за ними подхватывала молодёжь.

Вскоре пела уже вся поляна.

Женщины выходили танцевать одна за другой. Широкие юбки кружились вокруг ног, браслеты звенели, каблуки выбивали дробь по утоптанной земле.

Мужчины хлопали в ладоши.

— Настя! Выходи!

Анастасия смеялась, отмахивалась, но её уже вытолкнули в круг.

Она подняла руки.

Музыка стала быстрее.

Девушка закружилась так стремительно, что красная юбка распустилась вокруг неё огромным цветком.

— Ай, красавица! — крикнул кто-то.

Полина хлопала громче всех.

Анастасия танцевала, запрокинув голову, и её длинные волосы развевались за спиной.

В эти минуты она забывала и о голоде, и о войне, и о том, что за лесом горели деревни. Ей было семнадцать. Она хотела жить, любить, увидеть мир.

◆◆◆

Табором руководил старший — пожилой цыган Савелий.

У него была густая седая борода, тяжёлый взгляд и глубокий шрам возле виска.

К его слову прислушивались: он разрешал споры, давал советы, помогал договариваться о свадьбах.

Но последние недели Савелий всё чаще молчал.

Савелий слышал вести, которым остальные боялись верить.

Немцы уничтожали цыган — не за кражи, не за неповиновение и не за помощь партизанам. За само их происхождение.

Однажды вечером к табору вышел измученный мужчина из соседней деревни.

— Уходите, — сказал он Савелию. — Немцы в районе облавы устраивают.

— На кого?

— На всех ваших. Семьи забирают. С детьми.

Савелий долго смотрел на него.

— Куда увозят?

Мужчина отвёл глаза.

— Не увозят.

И больше ничего не сказал.

В ту ночь старики долго спорили у костра.

Одни предлагали уходить глубже в лес.

Другие говорили, что с маленькими детьми и стариками далеко не уйти.

Третьи надеялись переждать.

Савелий велел готовить лошадей.

Но табор так и не успел сняться с места.

◆◆◆

Немцы пришли на рассвете.

Сначала послышался лай собак.

Потом треск веток.

И грубый окрик:

— Хальт!

Анастасия проснулась от крика матери.

— Настя! Вставай!

Девушка открыла глаза.

— Что случилось?

— Немцы!

Снаружи ударила автоматная очередь, за ней — другая.

Заржала испуганная лошадь.

Кто-то закричал так страшно, что Анастасия вскочила, даже не успев надеть обувь.

На поляне стояли вооружённые немецкие солдаты.

Они окружили табор со всех сторон.

Один из мужчин попытался бежать к лесу.

Его застрелили почти сразу.

Он упал возле телеги, лицом в землю.

— Не бегать! — закричал переводчик. — Всем выйти!

Из кибиток вытаскивали людей.

Женщины прижимали детей к груди.

Старики плакали.

Мужчин били прикладами, заставляя становиться отдельно.
Один немец схватил маленького мальчика за ворот рубашки и оттолкнул от матери.
— Сынок! — закричала женщина.
Она бросилась к ребёнку.
Раздался выстрел.
Женщина упала.
Мальчик остался стоять возле неё, не понимая, почему мать больше не поднимается.
— Мама?.. Мамочка?..
Никто не ответил.
Анастасия увидела, как солдат ударил её отца прикладом по лицу.
— Папа!
Она рванулась к нему.
Мать схватила её за руку.
— Стой!
— Они его убьют!
— Настя, стой!
Но девушка уже вырывалась.
Немец толкнул её в грудь.
Анастасия упала на колени.
Солдат навёл на неё автомат.
Мать закрыла дочь собой.
— Не трогайте! Она ребёнок! Господи, она же ребёнок!
Немец ничего не ответил.
Он даже не посмотрел ей в глаза.
◆◆◆
Людей согнали к краю поляны, где за кустами чернела глубокая яма.
Её вырыли заранее.
Поначалу Анастасия не понимала, что видит.
Она смотрела на свежую землю и брошенные у края лопаты, пока не заметила тела.
Тогда всё стало ясно.
— Мамочка... — прошептала она.
Мать крепко сжала её руку.
— Не смотри туда.
— Они нас убьют?
Мать молчала.
— Мам, скажи!
— Молись, доченька.
— Я не хочу умирать...
Мать прижала её к себе.
— Я знаю, родная. Я знаю.
Неподалёку Полина держалась за свою мать.
Её лицо было совершенно белым.
Старший брат Анастасии попытался заговорить с солдатом.
— У нас дети! Мы никому ничего не сделали!
Его ударили.
Он упал.
Анастасия закричала.
И тогда мать впервые за всю жизнь ударила её по лицу.
Не сильно.

Но резко.

— Молчи! — прошептала она. — Ради Бога, молчи!

По её щекам текли слёзы.

◆◆◆

Расстреливали группами: сначала мужчин, потом стариков, потом женщин.

После коротких сухих очередей наступала тишина, и в ней ещё отчётливее слышались плач детей и стоны раненых.

Солдаты торопились.

Анастасия видела, как её отец упал возле края ямы.

Как младшая сестра вырвалась из рук матери.

Как мать бросилась за ней.

И как обе исчезли среди людей, которых гнали вперёд.

— МАМА!

Анастасия закричала так, что сорвала голос.

Её держали за плечи.

Она билась, царапалась, пыталась вырваться.

— МАМОЧКА!

Но мать уже не могла ей ответить.

◆◆◆

В нескольких сотнях метров от поляны, за орешником, пряталась деревенская женщина по имени Дарья.

Она пришла в лес ещё до рассвета — проверить силки, которые ставила на зайцев.

Услышав выстрелы, она хотела бежать, но заметила людей на поляне и осталась.

Лёжа на сырой земле, Дарья зажимала рот ладонью.

Она видела, как убивали стариков, как женщины падали на колени, как солдаты отрывали детей от матерей.

Ей казалось, что сердце сейчас остановится.

Потом она заметила двух девушек.

Одна была в красной юбке.

Другая — в синем платке.

Их отделили от общей группы, когда началась суматоха возле телег.

Анастасия и Полина оказались у самого края леса.

Дарья поняла, что другого случая не будет.

Она осторожно поднялась и махнула им рукой.

Анастасия увидела движение среди кустов.

Женщина приложила палец к губам.

Потом показала:

Жестом велела ползти.

Полина первая опустилась на землю.

Анастасия стояла, не в силах пошевелиться.

На поляне оставались её мать, отец, братья, сестра — вся прежняя жизнь.

— Настя! — прошептала Полина. — Пожалуйста!

Дарья протянула руку из кустов.

— Девочка, иди ко мне!

Анастасия сделала шаг.

Потом ещё один.

И вдруг снова раздался выстрел.

Она обернулась.

Дарья схватила её за руку и с силой втянула в заросли.

— Жить хочешь?! Тогда ползи!

Они ползли по мокрой земле, раздирая руки о ветки.

Сзади продолжали стрелять.

Анастасия плакала беззвучно, Полину трясло.

Дарья тащила их всё дальше.

И только когда поляна скрылась за деревьями, позволила остановиться.

— Тихо, девочки. Тихо.

Анастасия попыталась подняться.

— Мне назад надо.

— Куда?!

— Там мама...

— Нельзя.

— Там моя мама!

Она бросилась в сторону табора.

Дарья перехватила её.

— Убьют тебя!

— ПУСТИТЕ!

— Не пущу!

— ОНИ ТАМ! ВСЕ ТАМ!

Анастасия упала на землю.

Она кричала, била кулаками по мокрому мху, звала мать, отца, сестру.

Полина сидела рядом, обхватив колени. Слез уже не было; она только повторяла:

— Мамочка... мамочка...

◆◆◆

На поляне ещё оставались живые: одни были ранены, другие потеряли сознание под тяжестью упавших тел.

Из ямы доносились стоны.

Кто-то просил воды, кто-то звал детей.

Один мужчина пытался выбраться, цепляясь пальцами за осыпающуюся землю.

Солдаты не стали проверять, кто погиб, а кто ещё дышал.

Подогнали лошадей с телегами.

Принесли лопаты.

И начали засыпать яму.

Женщина, лежавшая среди тел, услышала, как первые комья земли ударили по доскам и человеческим спинам.

Она попыталась закричать.

Но рот был забит кровью.

Рядом шевельнулась маленькая рука.

Женщина нащупала её в темноте и сжала.

Так они и остались.

Под землёй.

Живые.

◆◆◆

К вечеру табора больше не существовало.

Кибитки разграбили, часть лошадей увели, телеги перевернули, вещи разбросали по поляне.

Возле потухшего костра лежала маленькая детская рубашка.

Ветер шевелил её рукав.

Ещё вчера здесь пели, спорили, танцевали; дети бегали между кибитками.

А семнадцатилетняя Анастасия мечтала о доме с настоящими окнами.
Теперь здесь стояла тишина.

◆◆◆

Дарья привела девушек в маленькую избу на окраине деревни.
Она закрыла ставни, погасила свет и поставила на стол миску с варёной картошкой.
— Ешьте.

Никто не притронулся к еде.

Анастасия сидела возле стены.

Красная юбка Анастасии была разорвана, волосы спутались, на испарянных руках засохла кровь.

Она смотрела в одну точку.

— Как тебя зовут, девочка? — тихо спросила Дарья.

— Анастасия.

— А тебя?

— Полина.

Дарья кивнула.

— Поживёте пока у меня. Только никому не говорите, кто вы.

Анастасия медленно подняла голову.

— А почему?

— Немцы и сюда приходят.

— И что?

— Убьют вас. И меня заодно.

Девушка долго молчала.

Потом спросила:

— А за что они нас?

Дарья не нашлась с ответом.

— Мы же ничего им не сделали, — продолжала Анастасия. — Мама моя... она добрая была. Она даже чужих детей кормила, когда еда оставалась.

Голос её дрогнул.

— Младшей сестрёнке всего ничего... Она ещё маленькая...

Дарья отвернулась.

Анастасия вдруг схватила её за руку.

— Может, они живые?

— Настенька...

— Вы же не знаете! Может, мама спряталась? Может, папа убежал?

Женщина молчала.

— Скажите, что они живые!

Дарья опустилась перед ней на колени.

— Девочка моя...

По молчанию Дарьи Анастасия всё поняла.

Она закрыла лицо руками.

Впервые за весь день она перестала кричать.

Только тихо, страшно заплакала.

◆◆◆

Поздно ночью Полина уснула на полу, укрывшись старым одеялом.

Дарья сидела возле печки.

Анастасия подошла к окну.

За стеклом шумел лес.

Тот самый лес, в котором ещё вчера была её жизнь.

Она прижала ладонь к холодному стеклу.

— Мамочка, — прошептала она. — Я же обещала тебе завтра воды принести...

Слёзы снова потекли по щекам.

— Я не принесла...

Она опустилась на колени.

— Господи, если Ты есть... зачем Ты их отдал?

Ответа не было.

Только ветер бил ветками по крыше.

Анастасия просидела у окна до рассвета.

В семнадцать лет она осталась без дома, родителей и детства.

Она ещё не знала, что один из её братьев сумел выжить.

Не знала, сколько раз судьба ещё заставит её терять близких.

И не знала, что когда-нибудь у неё родится дочь, которой она расскажет о той страшной поляне под Брянском.

Но никогда не сможет рассказать всё.

Некоторые воспоминания невозможно произнести вслух.

В тот день Анастасия не умерла.

Но девушка, которая ещё вчера танцевала босиком у костра, навсегда осталась там — среди сосен, кибиток и голосов погибшего табора.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Брянщина. 1943 год.

Первые дни после гибели табора Анастасия различала не по утрам и вечерам, а по звукам. Скрипнет половица — она вздрагивает. Заговорят во дворе мужчины — слышится немецкий окрик. Дарья не спрашивала, почему девушки просыпаются среди ночи: подкладывала в печь полено, ставила на стол воду и возвращалась к своим делам.

Полина старалась помогать хозяйке: мыла миски, приносила дрова, зашивала разорванный подол. Прежде она первой затевала спор и громче всех смеялась; теперь говорила мало. Анастасия подолгу сидела у окна, глядя на дорогу. Ей всё казалось, что из-за поворота кто-нибудь выйдет и скажет: произошла ошибка, мать жива.

— Не смотри туда целый день, — однажды попросила Полина.

— А куда мне смотреть?

Полина не ответила. Она сама не знала.

Дарья рисковала, укрывая девушек. Она велела им не выходить днём и не отзываться на стук. Когда через деревню проходили солдаты, все трое замирали, пока шаги не стихали. Дарья не обещала спасения. Она говорила только: «Пока вы здесь — я вас не выдам».

Однажды утром в дверь ударили прикладом. Доски содрогнулись. Дарья едва успела обернуться к девушкам.

— За печь! Живо!

В избу ворвались немцы. Они нашли Анастасию и Полину почти сразу. Дарья встала перед ними, раскинув руки.

— Это мои племянницы! — кричала она. — Родня моя!

Её оттолкнули. Анастасия увидела, как Дарья ударилась о край стола, и рванулась к ней, но девушку уже тащили во двор. Последнее, что она успела заметить: Дарья поднималась с пола, держась за стену.

В кузове грузовика было тесно. Женщины прижимали к себе детей. Старик с непокрытой головой беззвучно шевелил губами. Полина нащупала ладонь Анастасии и сжала её.

— Не отпускай меня, Настя.

— Не отпущу.

На станции их погнали к товарным вагонам. Двери захлопывались с глухим железным лязгом. Внутри пахло потом и сырой соломой. Никто не знал, куда идёт состав. Люди переговаривались шёпотом, хотя охрана за грохотом колёс едва ли могла их услышать.

Поезд

Когда состав набрал скорость, несколько мужчин принялись расшатывать дверь. Сначала она не поддавалась. Потом кто-то нащупал слабое крепление. Железо заскрипело, и в щель ворвался холодный воздух.

— Прыгать будем, — сказал бородатый мужчина.

— Перестреляют, — отозвался кто-то из темноты.

— А куда нас везут, знаешь?

Ответа не последовало.

Анастасия посмотрела на Полину. Та побледнела, но кивнула. Впервые после гибели табора в её взгляде появилась решимость.

— Вместе, — сказала она.

Первый мужчина прыгнул. На мгновение его силуэт мелькнул у насыпи и исчез. За ним — второй. Раздались выстрелы, в вагоне закричали. Полина ухватилась за край двери и бросилась вниз. Анастасия успела увидеть, как сестра покатилась по камням и попыталась встать.

Настя прыгнула следом. Земля ударила в плечо, из груди вышибло воздух. Несколько мгновений она не понимала, где верх, а где низ. Над ней грохотали последние вагоны. Вдалеке кричали люди.

— Настя! Сюда!

Полина стояла у кустов и махала рукой. Анастасия поднялась, пошатнулась и побежала. В лес они вошли, не оглядываясь.

Лес

Уцелевшие собирались понемногу. Кто-то потерял обувь, у кого-то кровоточила голова. Молодая мать держала младенца под полой платка, пытаясь согреть его дыханием. Она шептала ему ласковые слова и не замечала собственной дрожи.

К вечеру послышался собачий лай. Люди залегли в зарослях. Младенец заплакал. Мать прижала его к себе, принялась покачивать, но плач не стихал.

— Тише, — попросил кто-то. — Они близко.

— Я стараюсь, — едва слышно ответила женщина.

Из темноты к ней придвинулся цыган с густой бородой и усами. В ухе поблёскивала серьга. В глазах стоял испуг, похожий на ярость.

— Замолчи его! — прошептал он.

— Он маленький. Он не понимает.

Мужчина протянул руку и зажал ребёнку рот. Мать вцепилась в его запястье, пыталась оттолкнуть, но он не отпуская. Остальные словно окаменели.

Немецкие голоса приблизились, потом стали удаляться. Мужчина наконец разжал пальцы.

Ребёнок не шевелился.

— Сыночек, — позвала мать. — Ну просыпайся. Они ушли.

Она поправила платок, погладила сына по щеке. Потом подняла глаза на мужчину, будто не узнавала его.

— Теперь можно плакать, — прошептала она сыну.

Анастасия стояла чуть поодаль. Она запомнила бороду, серьгу и глаза мужчины. Хотела подойти к матери, сказать хоть что-нибудь, но не смогла. Только перекрестилась и начала молиться за ребёнка.

— Иначе нас бы всех нашли, — глухо произнёс мужчина.

Никто не ответил. Ещё минуту назад все боялись немецких шагов; теперь никто не мог заставить себя посмотреть мужчине в лицо.

После войны

Война закончилась в 1945 году. Анастасии исполнилось девятнадцать. Люди возвращались в разрушенные деревни, искали близких, расспрашивали встречных. Искала и она: называла имена, вглядывалась в лица. Иногда ей чудился материнский голос, и она оборачивалась прежде, чем успевала осознать свою надежду.

Однажды ей сообщили о брате. Сначала Анастасия не поверила: слишком часто надежда оборачивалась ошибкой. Но, увидев его, узнала сразу — по походке, по тому, как он остановился, заметив её.

— Настя?.. — произнёс он.

Она хотела ответить, но голос пропал. Брат подошёл, взял её за плечи, будто проверял, настоящая ли она.

— Живая, — сказал он. — Ты живая.

Анастасия прижалась к нему. Хотелось расспросить обо всём сразу, но выговорить удалось лишь:

— Я думала, никого не осталось.

Они долго стояли молча. Радость встречи не могла вернуть тех, кого они потеряли.

Снова среди своих

После войны Анастасия поселилась с братом в большом цыганском таборе. По утрам там запрягали лошадей, носили воду, спорили о дороге. Вечерами собирались у огня: пели, вспоминали погибших. Мирная жизнь возвращалась медленно, и каждый привыкал к ней по-своему.

— Настя, иди к нам, — звали женщины.

Она садилась рядом, слушала и порой улыбалась — не так беззаботно, как прежде. Анастасия не ожесточилась: делилась едой с одиноким ребёнком, оставалась возле тех, кто плакал. Но от внезапного крика всё ещё вздрагивала.

Брат оставался её последним близким человеком. Рядом с ним Анастасия понемногу училась строить планы. Она ещё не знала, что однажды в табор приедет человек из Белоруссии — будто бы всего лишь за лошадьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.